

С. Н. Коринь

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Харьков, Украина

e-mail: korin@karazin.ua

МЕТАМЕТАФОРА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются функции метаметафоры в немецкоязычном художественном дискурсе. Textoобразующая и дискурсообразующая роль метаметафоры заключается не только в ее функционировании на уровне тропов, но и в создании глобальных характеристик дискурса. Таковыми являются художественные образы, концепты, а также пространственно-временные структуры, в которых в художественном дискурсе пребывают персонажи, описываемые объекты и явления.

Ключевые слова: дискурс; концепт; метаметафора; пространственно-временные структуры; художественный образ.

S. N. Korin

National W. N. Karazin-University Kharkiv

Kharkiv, Ukraine

e-mail: korin@karazin.ua

METAMETAPHOR IN GERMAN-SPEAKING LITERARY DISCOURSE

The article deals with the functions of the metametaphor in the german-speaking literary discourse. The text- and discourse-forming role of the metametaphor is not only in its functioning at the tropes level, but also in creating global features of a literary text and discourse. These are literary images, concepts, various space and time structures in which there are characters, described objects and phenomena.

Key words: discourse; concept; metametaphor; space and time structures; literary image.

Когнитивно-коммуникативная парадигма имеет свою специфику для изучения художественного дискурса, учитывая образные языковые и речевые средства, выражающие интенции автора и служащие оценочной составляющей объектов, событий и явлений [1; 2; 3].

Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения роли метаметафоры в создании художественного дискурса. Объектом исследования является метаметафора (комплексная метафора) в немецкоязычном художественном дискурсе.

В нашем понимании метаметафора, являясь сложной иерархической структурой, представляет собой код иносказания, трансформирующий глубинную семантику объектов, описанных в художественном тексте, семантику основных концептов и художественных образов, составляющих содержание модели мира автора и отражающих его основные интенции [4, с. 38]. Составляющими художественного дискурса являются в том числе текст и контекст, которые взаимно отображают, моделируют друг друга и находятся в отношениях относительной оппозиции и даже поляризации [5, с. 48-49]. В художественном взаимодействии текста и контекста принимает участие и метаметафора. В данном случае речь идет о ее способности образовывать оппозиционные смыслы для формирования поляризации текста и контекста. Задействованы также известные прагматические функции метафоры, создающие иносказание (номинативная, оценочная, экспрессивная, концептуальная). Процесс метафоризации является сложным когнитивным явлением: происходят глубокие категориальные изменения в структуре прежних представлений, приводящие к преобразованиям в модели миропонимания.

В языкознании метаметафора может исследоваться с точки зрения стилистики, семантики, прагматики, когнитологии. Каждый из этих разделов выбирает свои приоритеты среди свойств и функций метаметафоры, что приводит к появлению различных концепций ее реализации в дискурсе.

Для осмысления роли метаметафоры в художественном дискурсе необходимо исследовать более высокий уровень ее функционирования, чем обычный уровень тропов (создание образности, иносказание, символизация).

Для художественного дискурса характерно наличие концептов и художественных образов, которые отражают авторские интенции, а также создание трех пространственно-временных структур (физическое, концептуальное и перцептуальное пространство-время). Они входят в текст и контекст, имеют лингвистический статус когнитивной основы для концептуального и чувственно-оценочного восприятия объектов и явлений, описанных в дискурсе. Системная роль метаметафоры в образовании пространственно-временных структур заключается в создании новых измерений восприятия объектов, в изменении метрики при мысленно-чувственном переходе из одного пространства-времени в другое. Существованию объектов в физическом пространстве-времени художественного дискурса метаметафора придает субъективно-авторские свойства.

В образовании художественных образов метаметафора, являясь средством образного выражения, играет значительную роль. Метаметафора

активно формирует авторские лингвокультурные коды и является основой стилистических принципов формирования образов.

Текстовые концепты художественного дискурса, их слои и атрибуты также образуются в дискурсе с помощью метаметафоры. Ее функции заключаются во вторичной номинации концепта. В данном случае речь идет об увеличении семантического объема атрибутов концепта. В предыдущих исследованиях нами было показано, что с когнитивной точки зрения непрямая номинация концепта в художественном дискурсе есть объединение (или сравнение) фрейма реалистической номинации и фрейма, отображающего метафорическую номинацию этого же концепта. Объединение двух фреймовых схем происходит через так называемую присоединенную процедуру [6, с. 124].

В рассматриваемых нами образцах художественного дискурса присутствует ряд концептов. Их названия, а также состав и название атрибутов этих концептов определяем путем интерпретации текста, а точнее, путем определения парадигматических и синтагматических отношений между семантическими сегментами текста. [7, с. 130].

С когнитивной точки зрения накопление образной информации в художественном дискурсе происходит в слоях концептов и прежде всего в его ассоциативном слое, поскольку создаваемый образ – семантически емкий, и создается посредством метаметафор. [8, с. 146]. Метаметафоры, исследуемые в немецкоязычных художественных романах, выполняют все перечисленные выше функции.

Употребление метаметафор в романе «Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders» П. Зюскинда имеет ряд специфических особенностей, делающих текст романа и авторское воплощение интенций совершенно несравнимым с текстами других авторов.

Приведем пример метаметафоры из романа «Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders». Метаметафоры состоят из отдельных метафор, поэтому для их изучения необходимы обширные отрывки романов. Автор романа создает концепт ЧЕЛОВЕК, ЧУЖДЫЙ ОБЩЕСТВУ. Главный герой – маленький одинокий клещ, который не хочет умирать, поэтому проявляет упорство и упрямство. Он живет и ждет. Ждет свою жертву. Метаметафора дает возможность читателю понять сущность героя, проследить этапы его эволюции от «нечеловека» до «человека-ангела».

Es hätte damals allerdings auch die zweite ihm offenstehende Möglichkeit ergreifen und schweigen und den Weg von der Geburt zum Tode ohne den Umweg über das Leben wählen können, und es hätte damit der Welt und sich selbst eine Menge Unheil erspart. Um aber so bescheiden abzutreten, hätte es eines Mindestmaßes an eingeborener Freundlichkeit bedurft, und die besaß Grenouille nicht. Er war von Beginn an ein Scheusal. Er entschied sich für das

Leben aus reinem Trotz und aus reiner Boshaftigkeit.

Selbstverständlich entschied er sich nicht, wie ein erwachsener Mensch sich entscheidet, der seine mehr oder weniger große Vernunft und Erfahrung gebraucht, um zwischen verschiedenen Optionen zu wählen. Aber er entschied sich doch vegetativ, so wie eine weggeworfene Bohne entscheidet, ob sie nun keimen soll oder ob sie es besser bleiben lässt.

Oder wie jener Zeck auf dem Baum, dem doch das Leben nichts anderes zu bieten hat als ein immerwährendes Überwintern. Der kleine häßliche Zeck, der seinen bleigrauen Körper zur Kugel formt, um der Außenwelt die geringstmögliche Fläche zu bieten; der seine Haut glatt und derb macht, um nichts zu verströmen, kein bisschen von sich hinauszutranspirieren. Der Zeck, der sich extra klein und unansehnlich macht, damit niemand ihn sehe und zertrete. Der einsame Zeck, der in sich versammelt auf seinem Baume hockt, blind, taub und stumm, und nur wittert, jahrelang wittert, meilenweit, das Blut vorüberwandernder Tiere, die er aus eigener Kraft niemals erreichen wird. Der Zeck könnte sich fallen lassen. Er könnte sich auf den Boden des Waldes fallen lassen, mit seinen sechs winzigen Beinchen ein paar Millimeter dahin und dorthin kriechen und sich unters Laub zum Sterben legen, es wäre nicht schade um ihn, weiß Gott nicht. Aber der Zeck, bockig, stur und eklig, bleibt hocken und lebt und wartet. Wartet, bis ihm der höchst unwahrscheinliche Zufall das Blut in Gestalt eines Tieres direkt unter den Baum treibt. Und dann erst gibt er seine Zurückhaltung auf, lässt sich fallen und krallt und bohrt und beisst sich in das fremde Fleisch...

So ein Zeck war das Kind Grenouille. Es lebte in sich selbst verkapselt und wartete auf bessere Zeiten. An die Welt gab es nichts ab als seinen Kot; kein Lächeln, keinen Schrei, keinen Glanz des Auges, nicht einmal einen eigenen Duft. [9, S. 83].

В центре романа Г. Гессе «Der Steppenwolf» стоит запуганный, одинокий, разрываемый в разные стороны человек, который не может определить, к какому миру он принадлежит – миру мещанства или миру духовных ценностей. Автор романа выбирает метафору как основное стилистическое средство, которое раскрывает всю сложность личности. В главном герое, как и в его эпохе, борются два противоположных начала – высокое и низменное, человеческое и животное, мир культуры и мир бездуховности.

... denn gesellig war dieser Mann nicht, er war in einem hohen, von mir bisher bei niemandem beobachteten Grade ungesellig, er war wirklich, wie er sich zuweilen nannte, ein Steppenwolf, ein fremdes, wildes und auch scheues, sogar sehr scheues Wesen aus einer anderen Welt als der meinigen. In wie tiefe Vereinsamung er sich auf Grund seiner Anlage und seines Schicksals hineingelebt hatte und wie bewusst er diese Vereinsamung als sein Schicksal erkannte,

dies erfuhr ich allerdings erst aus den von ihm hier zurückgelassenen Aufzeichnungen ... [10, S. 185].

... In dieser Periode kam mir mehr und mehr zum Bewusstsein, dass die Krankheit dieses Leidenden nicht auf irgendwelchen Mängeln seiner Natur beruhe, sondern im Gegenteil nur auf dem nicht zur Harmonie gelangten großen Reichtum seiner Gaben und Kräfte. Ich erkannte, dass Haller ein Genie des Leidens sei, dass er, im Sinne mancher Aussprüche Nietzsches, in sich eine geniale, eine unbegrenzte, furchtbare Leidensfähigkeit herangebildet habe. Zugleich erkannte ich, dass nicht Weltverachtung, sondern Selbstverachtung die Basis seines Pessimismus sei, denn so schonungslos und vernichtend er von Institutionen oder Personen reden konnte, nie schloß er sich aus, immer war er selbst der erste, gegen den er seine Pfeile richtete, war er selbst der erste, den er haßte und verneinte ... [10, S. 193].

Семантической особенностью метаметафор, обнаруженных в немецкоязычном художественном дискурсе, является то, что они активно формируют образы главных персонажей и основные концепты, такие как ЖИЗНЬ, СМЫСЛ СУЩЕСТВОВАНИЯ, СМЕРТЬ. Введение авторами метаметафор в дискурс является эффективным с точки зрения семантики. Во-первых, «расшифровка» метаметафоры касается архетипических представлений читателя и мобилизует корпус его фоновых знаний в определенной сфере. Во-вторых, употребление метаметафоры позволяет автору ввести в дискурс и усилить аксиологические и временные модальные оценки [11, с. 383].

Единство художественного текста и дискурса как лингвокогнитивной, лингвопрагматической и лингвостилистической структур является в исследуемых источниках результатом применения метаметафоры.

Роль метаметафоры в образовании художественного дискурса можно рассматривать во многих аспектах, однако итоговое рассмотрение результатов исследований необходимо в системном аспекте. Художественный дискурс является системой, состоящей из определенных элементов. Метаметафора участвует в образовании данных элементов и создании связи между ними; а именно в создании пространственно-временных структур, художественных образов и основных концептов.

К перспективам исследования можно отнести изучение структуры метаметафоры в художественном дискурсе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 390 с.

2. Мартынюк, А. П. Разграничение дискурса и текста с позиций интеграционного подхода / А. П. Мартынюк // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2009. – № 866. – С. 49–54.
3. Шевченко, І. С. Категорії дискурсу як евристична проблема / І. С. Шевченко // Каразінські читання: людина, мова, комунікація : матеріали ІХ Міжнар. наук.-метод. конф., Харків, 5 лютого 2010 р. / Харк. нац. універ. ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2010. – С. 336–338.
4. Коринь, С. Н. Системная роль метаметафоры в художественном дискурсе / С. Н. Коринь // Актуальні проблеми філології: мовознавство, перекладознавство та методика викладання філологічних дисциплін : матеріали ІІ міжнародної науково-практичної конференції, 29–30 вересня, 2011 р. / Приазовський державний технічний університет. – Маріуполь, 2011 р. – С. 37–40.
5. Пихтовникова, Л. С. Синергетический метод для исследования дискурса в прагматическом аспекте / Л. С. Пихтовникова // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2009. – № 848. – С. 48–52.
6. Коринь, С. Н. Метаметафора как объект исследования в лингвистике / С. Н. Коринь // Проблемы лингвистики и лингводидактики : международный сб. науч. ст. / ИПЦ ПОЛИТЕРРА. – Белгород, 2013. – Вып. 1. – С. 123–129. .
7. Коринь, С. Н. Метаметафора и концепты в романе Ф. Верфеля «Верди» / С. Н. Коринь // Каразінські читання: людина, мова, комунікація : матеріали ІХ Міжнар. наук.-метод. конф., Харків, 5 лютого 2010 р. / Харк. нац. універ. ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2010. – С. 129–131.
8. Коринь, С. Н. Метаметафора и концепты художественного текста / С. Н. Коринь // Каразінські читання: людина, мова, комунікація : матеріали VIII Міжнар. наук.-метод. конф., Харків, 5 лютого 2009 р. / Харк. нац. універ. ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2009. – С. 145–147.
9. Süsskind, P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders. / P. Süsskind. – Zürich : Diogenes Verlag, 1994. – 189 S.
10. Hesse, H. Der Steppenwolf / H. Hesse. // Gesammelte Schriften. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1987. – Band 4. – S. 183–419.
11. Селиванова, Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации : монографическое учебное пособие / Е. А. Селиванова. – К. : ЦУЛ, Фитосоциоцентр, 2002. – 336 с.